

Г. П. СТРОД

РАЗВИТИЕ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ЛАТВИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

(Историографический очерк) *

Этнографическая наука в Латвии начала развиваться с середины XIX в. при прямой поддержке русских ученых. В это время Этнографический отдел Русского географического общества в Петербурге и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете¹ с помощью представителей латышской интеллигенции — Ю. Калейса-Кузнецова, Ф. Бривземниекса-Трейланда, Я. Спрогиса, К. Барона и др. — организовали анкетный и экспедиционный сбор и публикацию материалов о культуре и быте латышского народа, а также соответствующие выставки.

В этот период накопления этнографического материала в латвийской этнографии наметились три направления — прибалтийско-немецкое, в основном дворянское, буржуазное латышское и революционно-демократическое.

Первые латышские этнографы собирали и отражали в исследованиях и выставках материальную культуру и быт латышей не только периода феодализма, но и современной им второй половины XIX в.² Собранные в то время этнографические экспонаты с 1869 г. хранились в музее Рижского латышского общества³. Молодая латышская буржуазия и особенно идеологи ее либерального направления — младолатыши, для которых прибалтийские архивы тогда были закрыты, в 1860—1870-х гг. собирали этнографические материалы и изучали отдельные вопросы этнографии, стремясь на основании этих данных доказать древность и самобытность культуры и быта своего народа.

Этнографы прибалтийско-немецкого направления, в частности пастор А. Биленштейн, в своих работах оспаривали выводы латышских этнографов, доказывая «отсталость» латышского народа, чтобы таким образом возвеличить «культуртрегерскую» роль немецких завоевателей

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором в г. Риге в июне 1962 г. на объединенной сессии, посвященной вопросам музейной работы.

¹ См. Д. Э. З е м з а р е, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и развитие латышской этнографической науки, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, М., 1950, стр. 55—58.

² См., например: E. D ü n s b e r g, Etnografija, tas ir pasaules valsts tautas, viņu dabas, ierašas un dzīve. Eiropa, 1. daļa, Rīgā, 1876; V. P l u t t e, Kārtālogs Latviešu etnogrāfiskai izstādei, Rīgā, 1896, стр. 84—85.

³ H. S t r o d s, Latvijas PSR Vestures muzejs deviņdesmit gados (1869—1959), «Latvijas PSR Zinātņu Akademijas Vestis», 1960, № 1, стр. 193—194.

в Прибалтике. Они были также противниками сотрудничества латышских и русских этнографов.

Против латышского буржуазного и прибалтийско-немецкого направлений в изучении этнографии латышей, за подлинно народную этнографию в конце XIX в. выступили первые в Латвии марксистские деятели — представители революционно-демократического движения «Jaunā strāva» («Новое течение»), особенно Я. Плиекшан (Райнис).

До восстановления советской власти в Латвии этнографии как науке уделялось мало внимания. Курс этнографии до 1938 г. в Латвийском университете не читался; кадры этнографов не готовились. Институт истории Латвии⁴ также не проводил этнографических исследований. Ту ограниченную работу в области этнографии, которая велась в Музее истории Латвии, в Этнографическом музее на открытом воздухе (Brīvdabas muzejs, осн. в 1924 г.), в некоторых научных обществах и частными лицами, буржуазия, особенно после фашистского переворота 1934 г., стремилась поставить на службу своим классовым интересам, предписывая исследователям проповедовать «единство» и «классовый мир» внутри латышского народа, культивировать буржуазный национализм. Хронологические рамки своей деятельности буржуазные этнографы ограничивали в основном периодом феодализма. Главным объектом этнографических исследований они считали зажиточное латышское крестьянство. Изучению культуры и быта ремесленников, сельского и промышленного пролетариата, а также изменениям в культуре и быте латышского народа в период капитализма буржуазная этнография не уделяла внимания. Из поля зрения буржуазных этнографов выпадали и такие вопросы, как взаимообогащающие связи культуры латышей и соседних народов, взаимосвязи соседних культурно-исторических областей Латвии, этническая история Латвии и т. д.

После победы советской власти в Латвии в 1940 г. и особенно после Великой Отечественной войны⁵ начался новый, марксистский период в развитии латышской этнографии.

В 1946 г., с основанием Академии наук Латвийской ССР, при Институте истории и материальной культуры была создана группа этнографов.

Этнографическая наука в Советской Латвии на первых этапах своего развития испытывала большие трудности из-за отсутствия подготовленных кадров. На историческом факультете Латвийского государственного университета специализация по этнографии до последнего времени отсутствовала. Подготовка латышских этнографов велась в Институте этнографии и фольклора (с 1956 г. — при Институте истории) АН Латвийской ССР и при Институте этнографии АН СССР.

Латышская советская этнография получила известное положительное наследство — прежде всего в виде этнографических коллекций в музеях Риги, Лиепайи, Екабпилса и других городов и Латвийского этнографического музея на открытом воздухе⁶. В связи с начавшейся в 1939 г. подготовкой «Атласа латышской культуры» с помощью сети

⁴ «Valdības Vestnesis», 1936, № 13.

⁵ При отступлении гитлеровской армии в 1944 г. этнографические коллекции Музея истории Латвии (около 25 000 предметов в 124 ящиках) были вывезены оккупантами в Германию, был уничтожен архив и часть экспонатов Этнографического музея на открытом воздухе, полностью уничтожены этнографические коллекции Валмиерского, Резекненского, Елгавского и частично других краеведческих музеев республики. Этнографические коллекции Музея истории были возвращены в Ригу в 1946 г.

⁶ См. J. Jaunzems, Brīvdabas muzejs, Rīgā, 1941; Н. Типайнис, Латвийский этнографический музей, «Сов. этнография», 1960, № 3. Этому музею посвящено также сообщение К. П. Викманиса, публикуемое ниже.

корреспондентов было собрано около 39 тысяч описаний, фотографий и зарисовок предметов материальной культуры и быта латышей, относящихся в основном ко второй половине XIX в. Некоторая часть этнографических материалов была опубликована и изучена. Конечно, материалы, собранные в этот период, в силу порочности буржуазной методологии были односторонни и неполны. В частности, они совершенно не отражали классового расслоения латышского крестьянства и отличий в материальной культуре и быту различных его слоев. Буржуазные этнографы не собирали также материалов по современному периоду.

Поскольку собранный ранее этнографический материал как в научно-тематическом, так и в методическом отношении имел большие пробелы, а многие области Латвии вовсе не были исследованы в этнографическом отношении, с 1947 г. группа этнографов стала систематически проводить этнографические экспедиции для изучения материальной культуры и быта латышского народа периода феодализма⁷.

Чтобы помочь этнографам прибалтийских республик наладить исследовательскую работу, в 1950 г. в Москве по инициативе Института этнографии АН СССР было созвано специальное совещание, на котором была обсуждена и подвергнута всестороннему критическому разбору этнографическая работа в Прибалтике в 1945—1949 гг. Были намечены и темы дальнейших исследований. Основными задачами должны были стать, во-первых, разработка вопросов этнической истории прибалтийских народов, в частности хозяйственные и культурные связи их с русскими и другими соседними народами; во-вторых — изучение социалистических преобразований в культуре и быту народов Прибалтики⁸. В помощь прибалтийским этнографам в Москве были разработаны специальные программы для сбора материалов по современности⁹.

В начале 1951 г. группа этнографов, работавшая в Академии наук Латвийской ССР, образовала Сектор этнографии при Институте фольклора, переименованном в Институт этнографии и фольклора. С этого времени ежегодные экспедиции и стационарные работы проводились совместно с фольклористами. В ходе их наряду с явлениями, характеризующими периоды феодализма и капитализма, изучались и вопросы, поставленные советской действительностью¹⁰. В передовых колхозах тех лет («Сарканайс Октобрис» и им. Ленина Цесисского района) был

⁷ D. Zemzare, Etnografisko ekspedīciju ieguvumi 1947 gadā, «Latv. PSR ZA Vestis», 1948, № 12, стр. 111—124; ее же, Etnografu darbs Vilakas apriņķī, «Padomju Jaunatne», 2 ноября 1949 г.

⁸ См. Л. Н. Терентьева, Совещание по этнографии народов Советской Прибалтики, «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 189—193.

⁹ П. И. Кушнер, Программа для сбора сведений по этнографическому изучению культуры и быта колхозного крестьянства в республиках Советской Прибалтики, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, М., 1950, стр. 130—135.

¹⁰ В 1951—1952 гг. экспедиции изучали в основном Земгале (Бауский район) и Аугшземе (Неретский и Акнистский районы); в 1953—1954 гг. изучались, главным образом, Видземе (Алуксненский, Цесисский и Гауенский районы), в 1955 г. — запад Латвии (Вилянский и Прейльский районы). Работа этих экспедиций нашла свое отражение в статьях: P. Birkerts, A. Krastiņa un J. Vītoliņš, Etnografijas un folkloras institūta V zinātniskā ekspedīcija, «Latv. PSR ZA Vestis», 1952, № 12; A. Ancelāne, E. Lase, A. Ozols un J. Vītoliņš, Etnografijas un folkloras institūta VI zinātniskā ekspedīcija, «Latv. PSR ZA Vestis», 1953, № 6; V. Greble, E. Lase un J. Vītoliņš, Etnografijas un folkloras institūta VII zinātniskā ekspedīcija, «Latv. PSR ZA Vestis», 1954, № 4; V. Greble un J. Vītoliņš, Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Etnografijas un folkloras institūta VIII zinātniskā ekspedīcija, «Latv. PSR ZA Vestis», 1956, № 6; S. Cimermanis, Etnografu un folkloristu zinātniskā ekspedīcija, Latgalē, «Cīņa», 7 сентября 1955.

собран ценный материал по хозяйственному и культурному развитию латышского крестьянства в первые годы коллективизации. Однако в целом изучение зарождения новых и исчезновения старых хозяйственно-культурных явлений в республике не было в достаточной степени развернуто ни в музеях, ни в Институте этнографии. Недостаточная квалификация этнографов, отрицательное влияние культа личности, выражавшееся в требовании показать наступивший как будто бы сразу же после коллективизации «радикальный перелом» в быту и культуре, рассмотрение современных этнографических явлений иногда в отрыве от материалов предшествующих периодов не давали этнографам республики возможности глубже вникнуть в проблему хозяйственно-культурных изменений в жизни колхозного крестьянства в период завершения строительства социализма и обобщить собранный материал.

Поскольку разработку проблем этногенеза и этнической истории латышского народа следовало вести совместно с исследованием вопросов этногенеза соседних народов Восточной Прибалтики, по единому плану и общими усилиями, в 1952 г. по инициативе Института этнографии АН СССР была организована комплексная Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция. С расширением круга изучаемых вопросов и объема работ экспедиции в 1955 г. она была реорганизована в Прибалтийскую объединенную комплексную экспедицию. В ней приняли участие Институт этнографии и Институт археологии АН СССР, Институт истории АН Литовской ССР, Институт истории и материальной культуры АН Латвийской ССР, Институт истории и Этнографический музей АН Эстонской ССР. Большую работу по организации экспедиции и постановке научных исследований в ее этнографических, антропологических и археологических отрядах провели Х. А. Моора, Н. Н. Чебоксаров, Л. Н. Терентьева. Прибалтийская комплексная экспедиция стала основной формой координации этнографических, антропологических и археологических исследований в Прибалтике ¹¹.

Широкая постановка археологических и этнографических исследований, впервые проведенные на всей территории Прибалтики антропологические исследования, изучение пограничных районов и координация работ помогли решить ряд вопросов этногенеза и этнической истории народов Прибалтики. Прибалтийская экспедиция провела ряд научных совещаний и сессий и уже опубликовала некоторые свои материалы и исследования ¹².

Работа экспедиции в области этнографии помогла латвийским этнографам наладить систематическое исследование основных элементов материальной культуры — сельскохозяйственных орудий, поселений, жилища, хозяйственных построек, одежды и др.

Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция имела большое значение и для повышения специальной квалификации молодых латышских этнографов. В целях подготовки квалифицированных научных кадров четыре научных работника были направлены Академией наук Латвийской ССР в аспирантуру Института этнографии АН СССР

¹¹ Подробнее об этом см. статью «Двадцать лет Союзных Советских Социалистических республик Прибалтики», «Сов. этнография», 1960, № 3.

¹² «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954; «Балтийский этнографический сборник», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXII, М., 1956; Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I (Вопросы этнической истории народов Прибалтики), М., 1959; т. II (М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики), М., 1959.

и защитили кандидатские диссертации, в основу которых были положены материалы, собранные диссертантами во время экспедиций¹³.

В 1956 г. Сектор этнографии был присоединен к Институту истории и материальной культуры АН Латвийской ССР, что способствовало усилению сотрудничества этнографов и историков Латвии.

Перед латышскими этнографами стояли три основные нерешенные взаимосвязанные проблемы: 1) культура и быт латышей в период феодализма и капитализма; 2) изменения в культуре и быте латышей в период социализма; 3) этногенез и этническая история латышского народа. Так как в Секторе этнографии имелось всего 7 научных сотрудников, первоначально решено было сосредоточить все силы преимущественно на изучении одной — Видземской культурно-исторической области. К 1961 г. этнографы провели в Видземе 6 комплексных научных экспедиций¹⁴, в каждой из которых участвовало 15—20 работников; было собрано около 35 000 единиц различных этнографических материалов. Параллельно с этим часть работников Сектора продолжала сотрудничать в Прибалтийской комплексной экспедиции, занимаясь этнографическим обследованием всей территории республики. Базируясь на собранных полевых материалах и музейных фондах, архивных документах и других источниках, латышские советские этнографы подготовили капитальные монографии и ряд научных статей по земледельческим орудиям, жилищу, одежде, домашнему ткачеству, быту сельскохозяйственных рабочих и рыбаков. Например, история немеханизированных земледельческих орудий в Латвии в настоящее время является одной из наиболее полно исследованных областей материальной культуры латышей¹⁵. Хорошо изучены также орудия уборки урожая и сена с древнейших времен (с привлечением археологического материала) до начала XX в.¹⁶. Изучением рыболовства во внутренних водоемах, ранее остававшегося вне поля зрения этнографов, с 1957 по 1961 г. занимался С. Цимерманис¹⁷, а вопросами морского рыболовства — А. Шульц¹⁸.

Некоторые положительные результаты достигнуты в изучении ремесла. По вопросам ткачества ряд статей опубликован А. Алсупе¹⁹.

¹³ М. К. С л а в а, Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.), Автореферат диссертации, М., 1955; А. А. З а в а р и н а, Семья и семейный быт русского старожильческого населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX века, Автореферат диссертации, М., 1955; И. А. Л е й н а с а р е, Земледельческие орудия латышей в XVIII и первой половине XIX в., Автореферат диссертации, М., 1958; Р. Я. Д е н и с о в а, Антропологический состав восточных латышей и восточных литовцев, Автореферат диссертации, М., 1958.

¹⁴ В экспедициях вместе с этнографами участвовали языковеды, архитекторы, историки.

¹⁵ I. Leinasare, Zemkopība un zemkopības darba rīki Latvijā klaušu saimniecības saimuma laikā, Rīgā, 1962; e e ж е, Zemkopības darba rīki klaušu saimniecības saimuma posmā, «Arheologija un etnografija», I, Rīgā, 1957, стр. 99—143; e e ж е, Земледельческие орудия в крестьянских хозяйствах латышей в XIX в., «Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М., 1959, стр. 421—437.

¹⁶ L. Dumpis, Laukuma par izkaptis attīstību Latvijā, «Latv. PSR ZA Vestis», 1958, № 11, стр. 17—30.

¹⁷ S. Cimermanis, Zveja Daugavas lejtece, Referātu tezes zinātniskai atskaites sesijai par 1961 g. arheologiskām un etnografiskām ekspedīcijām, Rīgā, 1962, стр. 23—25; e o ж е, Saldūdeņu zvejas rīki un paņēmiņi Vidzemē 19. gs. otrā pusē un 20. gs. sākumā, Referātu tezes zinātniskai sesijai par 1959 g. arheologiskām un etnografiskām ekspedīcijām, Rīgā, 1960, стр. 18—19; e o ж е, Saldūdeņu zveja Lejasciēmā un Belavā 19. gs. otrajā pusē un 20. gs., «Arheologija un etnografija», IV, Rīgā, 1962, стр. 167—181.

¹⁸ A. Šulcs, Zvejniecības darba rīki Ziemeļkurzemē 19. gs. otrā pusē, «Arheologija un etnografija», III, Rīgā, 1961, стр. 157—168.

¹⁹ A. Alsups, Audumu darināšana kolhoznieku sētās Vidzemē, Referātu tezes zinātniskai sesijai par 1959. g. arheologiskām un etnografiskām ekspedīcijām, Rīgā, 1960.

Изучением гончарного дела в Латвии занимается Дз. Фелдмане-Цимермане²⁰. Тем не менее в целом результаты изучения ремесла далеко не достаточны. Так, этнографы до сих пор не изучали специально обработку дерева, железа, кожи, янтаря и т. д.

Изучением латышских крестьянских построек в период феодализма, капитализма и социализма занимается А. Крастыня, опубликовавшая ряд статей по современному жилищному строительству в колхозной деревне²¹. Наилучшие результаты достигнуты ею в области детального архитектурного изучения крестьянских жилищ в Видземе в XIX в.²² Изучением латышского народного зодчества второй половины 1950-х годов занимался и сектор архитектуры Института архитектуры и строительства АН Латвийской ССР²³.

Изучением латышской народной, в основном крестьянской, одежды в течение многих лет занимается М. Слава. В отличие от прежних исследователей она рассматривает развитие одежды в тесной связи с изменением социально-экономических условий, обращая большое внимание на изменение одежды в периоды капитализма и социализма. М. Славой написан ряд статей²⁴ и исследование «Латышская крестьянская одежда в XVIII—XIX вв.». Изучением рукавиц и поясов — частей традиционного латышского народного костюма, главным образом с точки зрения использования их орнаментов в народном прикладном искусстве, занималась зав. отделом этнографии Музея истории Латвии — стр. 20—22; е е же, Audumu veidi Vidzemē (19. gs. otrā un 20. gs. pirmā pusē), «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 157—186; е е же, Lauku audēju darba rīki Vidzemē 19. gs., «Arheologija un etnografija», III, Rīgā, 1961, стр. 97—112; е е же, Mājaušana Gulbenes rajona teritorijā, «Arheologija un etnografija», IV, Rīgā, 1962, стр. 137—148.

²⁰ Dz. Feldmane, Keramikas rotāšanas rīki un darba paņēmieni Latvijā (19. gs. beigās un 20. gs.), «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 111—125; е е же, Trauku apdedzināšanas ceļi Latgales un Vidzemes lauku podniecības (19. gs. otra puse un 20. gs.), «Arheologija un etnografija», III, Rīgā, 1961, стр. 133—157; е е же, Podniecības Lejasciemā, «Arheologija un etnografija», IV, Rīgā, 1962, стр. 149—166.

²¹ А. Крастыня, О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР, «Сов. этнография», 1960, № 3; е е же, Lauku celtniecības veidošana Gulbenes rajonā, «Arheologija un etnografija», IV, Rīgā, 1962, стр. 77—110.

²² А. Крастыня, Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма, Автореферат диссертации, Рига, 1958; е е же, Vidzemes zemnieku mājokli klausu saimniecības sairšanas periodā, «Arheologija un etnografija», I, Rīgā, 1957, стр. 75—98; е е же, Zemnieku dzīvojamās ēkas Vidzemē klausu saimniecības sairšanas un kapitālisma nostiprināšanas laikā, Rīgā, 1959; е е же, Жилище латышских крестьян в Видземе в XVIII—XIX веках, тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики, М., 1955, стр. 33—35; е е же, Zemnieku dzīvojamās ēkas Vidzemē... Rīgā, 1959, стр. 19—20; ср. R. Peļše, Latviešu un krievu kultūras sakari, Rīgā, 1951, стр. 274.

²³ О. Берзинь, Архитектура народного жилища в Латвии и основные предпосылки по проектированию жилого дома колхозников Латвийской ССР, Автореферат диссертации, М., 1954; Б. Дорофеев, Архитектурное наследие народного жилища Латвии, Автореферат диссертации, М., 1956; Р. Берзкалн, Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XX в. «Уч. зап. Латвийского гос. ун-та», XIII, Рига, 1957; е е же, Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gs. «Pēteris Stučka Latvijas Valsts universitātes zinātnieki raksti...», XXI, Rīgā, 1958.

²⁴ М. Слава, Латвиеšu zemnieku kreklu tipi (18. gs. beigās — 19. gs. pirmā puse), «Arheologija un etnografija», III, Rīgā, 1961, стр. 83—95; е е же, Zemnieku apģērbs Vakarējā 19. gs. otrā pusē — 20. gs. sākumā, Referātu tezes zinātniskajai sesijai, veiktai 1958. g. arheoloģiskiem izrakumiem un etnografiskai ekspedīcijai Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1959, стр. 55—57; е е же, Daži adito cimdu rotāšanas veidi, «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 137—156; е е же, Apģērbi. «Latviešu padomju lietiskā māksla», Sastādījis J. Pujāts, Rīga, 1960, стр. 203—220; е е же, Zemnieku apģērbs Gulbenes rajonā, «Arheologija un etnografija», IV, Rīgā, 1962, стр. 111—135.

вийской ССР Г. Иванова²⁵. Наряду с научно-исследовательскими работами издаются публикации комплектов отдельных частей и узоров традиционной латышской народной одежды для нужд кружков народной художественной самодеятельности²⁶.

Упомянутые выше исследования дали возможность прийти к некоторым обобщающим выводам — решить в основном главные вопросы этнической истории Видземе, установить локальные районы распространения особенностей культуры и быта латышей в этой области, а также районы влияния ливской и эстонской культуры. В 1961 г. завершена коллективная обобщающая монография «Очерки материальной культуры и быта Видземе» (35 авт. л.), которая должна выйти в свет в ближайшем будущем. Эти исследования дали также сотрудникам Сектора этнографии возможность написать в 1961 г. обобщающую работу «Латыши» (8 авт. л.) для серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии АН СССР.

Для ознакомления более широких кругов общественности с работой археологов и этнографов с 1957 г. периодически издается иллюстрированный сборник статей и материалов «Археология и этнография» с резюме на русском языке.

Силами в основном научных сотрудников сектора этнографии в качестве внеплановой работы издается крупноформатный иллюстрированный трехтомный сборник материалов «Латышское народное искусство». Том I, посвященный латышскому народному зодчеству и народной керамике, под редакцией М. Степерманиса, вышел в свет в 1961 г.²⁷ Второй том, посвященный вопросам ткачества, вышел в 1962 г., третий том, посвященный одежде, выйдет в 1963 г.

В отличие от этнографов буржуазной Латвии, которые занимались изучением быта зажиточного крестьянства, латышские советские этнографы уделяют внимание изучению быта всех слоев латышского крестьянства в прошлом и провели сбор обширного материала о быте безземельных и бобылей (в Видземе и Курземе). Эти впервые собранные материалы дают теперь возможность осветить подлинную картину латышской деревни в досоветский период. В результате исследований, которые проводились на основании полевых и архивных материалов с середины 1950-х гг. С. Цимерманисом в Курземе и Земгале и Э. Чивкуль в Видземе, написан ряд научных статей и одна монография, дающие довольно полное представление о культуре и быте сельскохозяйственных рабочих в Латвии²⁸.

Семьей и семейным бытом латгальских крестьян во второй половине XIX и начале XX в., а также культурой колхозников морских рыболовецких артелей видземского побережья Рижского залива занималась

²⁵ G. Ivanova, Audumi. Adījumi, «Latviešu padomju lietišķā māksla», Sastādījis J. Pujāts, Rīgā, 1960, стр. 147—180, 222—242.

²⁶ «Latvju raksti, I. Villaines; II. Latviešu sieviešu galvas segas, III. Latviešu svārki (brunči)», segas. Ar. J. Niedres tekstu, Rīgā, 1946; «Novadu terpi», 1—2, Rīgā, 1949; E. Rubene un G. Ivanova, Adījumu raksti un adīšanas tehnika, Rīgā, 1957; J. Sudmalis, Cimbu raksti, Rīgā, 1961.

²⁷ «Latviešu tautas māksla XIX—XX gs.», I seļ. Celtniecība. Koka un metāla izstrādājumi. Podniecība, Rīgā, 1961.

²⁸ С. Я. Цимерманис, Быт сельскохозяйственных рабочих в Курземе и Земгале во второй половине XIX века, Автореферат диссертации, Рига, 1958; его же, Laukstrādnieku dzīves veids Kurzeme un Zemgale 19. gs. otrajā pusē, Rīgā, 1959; его же, Laukstrādnieku iedalījums, dzīvokli un darba apstākļi Kurzemē un Zemgales rietumu daļā 19. gs. otrā pusē, «Arheologija un etnografija», I, Rīgā, 1957, стр. 51—72, E. Čivkule, Muižas kalpi Vidzeme XIX gs. «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 187—206.

Л. Ефремова²⁹. Изучением новых явлений в быту колхозников Гулбенского района занималась Э. Чивкуль³⁰.

В изучении семьи и семейного быта, особенно на современном этапе развития, латышским этнографам значительную помощь оказал Институт этнографии АН СССР. В последние годы наряду с продолжающимися работами Латвийского отряда Прибалтийской экспедиции, в составе которого по-прежнему работают этнографы как Москвы, так и Латвии, сотрудники Института этнографии АН СССР под руководством Л. Н. Терентьевой интенсивно занялись изучением социалистических преобразований в быту латышских крестьян. Начало этой работе было положено Л. Н. Терентьевой еще в 1949 г., и на основе собранных материалов ею была написана кандидатская диссертация³¹. В дальнейшем работа был расширена, результатом чего явилась монография о колхозном крестьянстве Латвии³². Особое внимание в последнее время Л. Н. Терентьева уделяла изучению современных семейных отношений, обычаев и обрядов³³. Исследования в этой области, проведенные московскими этнографами, оказали большую помощь научным работникам Латвии.

Однако нельзя не признать, что изменения в культуре и быту колхозников Латвии за годы советской власти до сих пор изучаются латвийскими этнографами недостаточно, и на них должно быть обращено особое внимание, как и на изучение новых общественных, семейных и других бытовых традиций и обрядов. Ибо детальное изучение традиций, обрядов и миропонимания людей всех социально-экономических формаций является одним из условий успешной борьбы с религиозными предрассудками. Поэтому этнографам вместе с археологами и фольклористами необходимо глубже заняться изучением народных верований, традиций и обрядов на всех этапах развития латышского народа.

Этнографическая работа в Латвийской ССР ведется не только в Академии наук, но и в музеях, находящихся в системе Министерства культуры Латвийской ССР. В Риге существует три специальных этнографических учреждения — Латвийский этнографический музей, Отдел этнографии Музея истории Латвийской ССР, Отдел латышского народного прикладного искусства Музея латышского и русского искусства. Кроме того, научно-исследовательской работой в области этнографии занимаются некоторые краеведческие музеи. Этнографы, работавшие

²⁹ L. Jefremova, *Dažas Latgales latviešu zemnieku ģimenes svinības 19. gs. otrā pusē, «Arheologija un etnografija», I, Rīgā, 1957, стр. 115—126; ее же, Iegātni Latgales zemnieku ģimene 19. gs. otrajā pusē un 20. gs. sākumā, «Arheologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 187—195; ее же, Семья и семейный быт латгальских крестьян во второй половине XIX — начале XX века, Автореферат диссертации, Рига, 1960; ее же, Некоторые итоги изучения семейного быта колхозников видземских рыболовских колхозов, Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1959 г., Рига, 1960, стр. 52—54; ее же, Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе, «Сов. этнография», 1960, № 3.*

³⁰ E. Čivkule, *Jaunas iezīmes Gulbenes rajona kolhoznieku dzīvē, «Arheologija un etnografija», IV, Rīgā, 1962, стр. 67—75.*

³¹ Л. Н. Терентьева, Социалистические преобразования в хозяйстве, быту и культуре латышского крестьянства (по материалам группы колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР), Автореферат диссертации, М., 1952.

³² Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. LXI, М., 1960.

³³ Л. Н. Терентьева, Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии, «Сов. этнография», 1961, № 2; ее же, Семья и семейный быт латышских крестьян, сб. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. I.XVII, М., 1962.

в музеях в первое послевоенное десятилетие, были заняты в основном приведением в порядок и переинвентаризацией музейных коллекций, они восполняли пробелы в этнографических коллекциях, создавшиеся в результате действий гитлеровских оккупантов и вследствие указанной выше тенденциозной направленности буржуазной этнографической науки, а также занимались сбором материалов, необходимых для научно-просветительной работы на постоянных экспозициях и временных выставках музеев.

Этнографический материал для музеев, как правило, собирался в ходе совместных экспедиций сотрудников Института истории и музейных работников; кроме того, как республиканские, так и местные краеведческие музеи организуют самостоятельные экспедиции для сбора этнографического материала. В 15 краеведческих музеях республики хранится около 20 000, а в рижских музеях — около 90 000 этнографических предметов, фотоснимков и описаний. При краеведческих музеях в Цесисе, Екабпилсе, Лудзе и Вентспилсе создаются районные этнографические музеи на открытом воздухе по типу рижского музея. Этнографический материал составляет около 15—20% всего научного фонда исторических и краеведческих музеев республики и имеет серьезное значение в научно-просветительной и научной работе³⁴. В послевоенные годы в республике было организовано около 90 этнографических выставок. Этнографы музеев А. Шульц, Л. Думпе и Г. Иванова проделали известную работу в области изучения морского рыболовства, сельскохозяйственных орудий, жилищ ливов в XIX в.³⁵

Заметную работу в области сбора материалов латышского крестьянского зодчества периода феодализма в конце 1940-х и в 1950-х гг. выполнила Инспекция охраны памятников архитектуры Латвийской ССР под руководством архитектора Л. Плауцня, создав обширный фонд этнографических материалов народного зодчества.

Определенную собирательскую и научно-исследовательскую работу в области этнографии в последнее время начали члены созданного недавно Общества природы и истории Латвии, особенно в Екабпилском, Прейльском, Вилянском, Балвском, Айзпутском и некоторых других районах республики. Отдельные члены этого Общества участвуют в этнографических экспедициях, ведут некоторую научную работу, в основном в области изучения периода феодализма. Собирательская этнографическая работа играет важную роль во внешкольных краеведческих занятиях учащейся молодежи. В ряде школ созданы музеи³⁶, в которых этнографический материал занимает большое место. Таким образом, этнография в Советской Латвии стала подлинно народной наукой.

Однако в работе этнографов за пределами Академии наук, особенно в музеях, имеются некоторые недостатки. На развитие советской этнографической науки в музеях Латвии в последнее время отрицательно повлияла ошибочная точка зрения отдельных работников рижских музеев, будто в период социализма и развернутого строительства коммунизма специфика культуры латышской социалистической нации пере-

³⁴ На начало 1962 г. этнографические материалы составляли в Мадонском краеведческом музее 42%, Даугавпилсском — 27%, в Музее истории Латвийской ССР — 19%, в Лудзенском краеведческом — 18,5%, Лиепайском — 13%, Екабпилсском — 12% всех фондов. В экспозиции этих музеев могут быть созданы самостоятельные этнографические отделы.

³⁵ См., например, A. Sulcs, *Lībiešu dzīvojamā māja Ziemeļkurzemē* (19. gs. — 20. gs. sākums), «Arheologija un etnogrāfija», II, Rīgā, 1960, стр. 97—110.

³⁶ В Алуksне, Дундаге, Райскуме, Виляны, Алоэ.

стает существовать, будто этнография как наука себя исчерпала и ее функции переходят к «социологии» — отрасли философской науки, а поэтому развитие этнографических музеев и существование самой этнографии впредь нецелесообразно и т. д.³⁷ Это привело к недооценке собирательской, научно-исследовательской и научно-просветительной работы музеев в области этнографии.

То обстоятельство, что в музеях не обращается должного внимания на собирание этнографических материалов, отрицательно сказывается не только на научной работе исторических и краеведческих музеев, но и на развитии научно-исследовательской работы в области этнографии в республике в целом.

Ни в одном историческом и краеведческом музее Латвийской ССР (за исключением Рижского исторического музея) в экспозиции по-настоящему не отражаются изменения в культуре и быту рабочих и колхозников Советской Латвии, рост новой коммунистической культуры, новых советских трудовых и бытовых традиций. На собирательскую, научно-исследовательскую и научно-просветительную работу в области этнографии в республике отрицательно влияет и раздробление фондов и научных сил этнографов между тремя республиканскими музеями в Риге. Эти недостатки после проведенной в Риге в июне 1962 г. научной сессии, посвященной современным задачам этнографии и этнографических музеев, на которой указанные выше ошибочные концепции были подвергнуты критике³⁸, очевидно, будут устранены.

В документах XXII съезда КПСС, в материалах Совещания по идеологическим вопросам важная роль в строительстве коммунизма отведена советским ученым, в том числе представителям гуманитарных наук. Среди наук, значение которых сегодня значительно возросло и продолжает расти, находится этнография. Нет ни одной отрасли экономической, социальной или идеологической жизни, где правильно, широко и координированно организованные этнографические исследования не могли бы быть использованы в практической деятельности по построению коммунизма. Поэтому основные задачи этнографов Советской Латвии — изучать хозяйственно-культурные, бытовые и этнические процессы, происходящие в наше время, вскрывать конкретные закономерности развития советского общества, чтобы активно участвовать в решении теоретических и практических проблем построения коммунизма, особенно в области коммунистического воспитания трудящихся.

Исходя из этих задач, этнографы Латвии и ведут свои исследования в текущем семилетии. В результате исследований намечено издать ряд трудов. К концу 1963 г. совместными силами этнографов, историков и фольклористов республики будет написано учебное пособие «Введение в этнографию Латвии». Следует отметить, что единственный курс этнографии на латышском языке издан 87 лет назад; в 1876 г., и отсутствие учебного пособия отрицательно влияет не только на подготовку научных кадров этнографов, но и на распространение этнографического образования в Латвии. К концу 1964 г. совместными усилиями лучших специалистов по археологии, этнографии, языкознанию и фольклору Латвии намечено написать коллективную монографию «Вопросы этнической истории латышского народа». К концу 1965 г. в основном сила-

³⁷ H. Strods, Sesija, veltīta etnografijas un etnografisko muzeju uzdevumiem mūsdienās, «Latv. PSR XA Vestis», 1962, № 10.

³⁸ См.: Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович, Сессия, посвященная современным задачам этнографии и этнографических музеев, «Сов. этнография», 1962, № 5.

ми сотрудников сектора будет написана коллективная монография «Очерки культуры и быта латышей» (т. II, «Латгалия»), в которой рассматриваются вопросы этнической истории, а также культуры и быта колхозников и рабочих Латгалии. Изучение Земгале и Курземе также завершится созданием коллективных монографий по этим культурно-историческим областям. Параллельно будут подготовлены труды по истории развития крестьянских поселений, по верованиям и обрядам в Латвии. Будет продолжена работа по составлению атласа латышской культуры. Намечено создание ряда крупных монографий о развитии культуры и быта промышленных рабочих Риги, о рабочих деревообрабатывающей промышленности Латвии, о развитии быта и культуры колхозников, о поселениях и сельском строительстве, о межнациональных культурных связях (по материалам латышского народного орнамента) и т. д.

К VII Международному конгрессу антропологов и этнографов, который должен собраться в Москве в 1964 г., этнографы, историки, языковеды, фольклористы, врачи Латвийской ССР готовят доклады, музейные работники — около 10 районных этнографических выставок и республиканскую этнографическую выставку. Институт истории АН Латвийской ССР вместе с Институтом языка и литературы, Латвийским государственным университетом и музеями республики накануне конгресса проведут в Риге совместную научную сессию по этнографии.

Сотрудники Сектора этнографии будут продолжать выпуск очередных томов сборника «Археология и этнография», примут участие в написании трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, будут вести курс и практику по этнографии в Латвийском государственном университете. Эта работа должна тесно координироваться с научной деятельностью археологов, историков, фольклористов, экономистов, языковедов и философов, а также этнографов Эстонии, Литвы и особенно Института этнографии АН СССР.

SUMMARY

The article gives a brief review of Latvian bourgeois ethnology and a detailed account of the development of ethnological studies in Soviet Latvia. The author analyses ethnological research conducted by the Latvian Academy of Sciences and by other ethnological centres of Soviet Latvia. Summarizing the results of this research, the author outlines the immediate tasks with which the ethnologists of Soviet Latvia are confronted.